

731

9 (КРУГОГОР) 74

ЗНАМЯ ЮНОСТИ

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

Историю комсомола можно прочесть по его знаменам. О славном пути, записанном на алых полотнищах, рассказывает на 8-й странице «Кругозора». Здесь же вы видите снимок Памятного знамени ЦК РКП (б), врученного комсомолу осенью двадцать третьего года. Мне посчастливилось в качестве секретаря ЦК РКСМ быть среди тех, кто принимал от ленинской партии первый стяг. И, хотя на нем не было начертано имени вождя, во все времена истинным знаменем партии, комсомола было это имя — Ленин.

Я был среди тех, к кому обращался Владимир Ильич на III съезде комсомола с речью «Задачи союзов молодежи». «Что главное сейчас?» — думали мы, юнцы, одетые в шинели и матросские бушлаты, опаленные огнем гражданской войны, измученные голодом, разрухой. И Ленин ответил нам: учиться коммунизму.

И когда на VI съезде мы поднимали свои мандаты, с воодушевлением голосуя за присвоение РКСМ имени Ильича, то твердо знали, что все поколения комсомола будут верны нашей клятве: «... какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали... мы не уроним знамени Ленина».

В. ВАСЮТИН, профессор,
делегат III — VI съездов комсомола

Русский букварь — начало всех начал, с него «есть пошла» грамотность каждого из нас. «Одна книга тысячи людей учит», — говорили исстари о букваре.

Традиционным в наших школах стал веселый и поучительный «Праздник букваря» — день, когда первоклассники после двухмесячных занятий прощаются с «Букварем» и переходят к чтению «Родной речи». В этом учебном году праздник с особенкой — русскому «Букварю» исполняется 400 лет.

Первый русский печатный букварь... Семьдесят девять страниц формата примерно нынешнего журнала «Пионер». На последней странице подпись: «Выдруковано в Львове року 1574» и собственный знак печатника: «Друкарь москвитин И. Федоров». Да, тот самый дякон одной из кремлевских церквей, учитель «чад московской знати», русский первопечатник Иван Федоров. Это он вместе с Петром Мстиславцем открыл в Москве в 1563

году типографию и приступил к печати «Апостола» — первой русской датированной печатной книги. Спасаясь от преследований и наветов духовников, которые обвинили его в ереси, Иван Федоров уехал из Москвы сначала в Литву, а затем во Львов. И там и тут организовал свои типографии.

Все издания Ивана Федорова по праву считаются первоклассными образцами русского типографского искусства XVI века. Для букваря же внешний вид не последнее дело. Ведь он не только учит детей грамоте, но и развивает их речь, логическое мышление. Первая учебная «книжка с картинками» — важное средство эстетического воспитания. Вот сколько педагогических функций у этой скромной книжки!

В первой части букваря — описание букв, слогообразования, важнейшие грамматические правила, необходимые для правильного чтения. Русский алфавит

„КНИЖКА“

приводится в прямом порядке (от «а» до «ижицы») и в обратном, буквы сопровождаются вариантами их начертания. В упражнениях «на слога» приводятся разнообразные буквенные сочетания. В грамматическом разделе говорится о названиях букв русской азбуки, о правилах ударения в разных словах и грамматических категориях, правилах письма и чтения сокращений «под титлами», которые широко употреблялись в книжной речи.

Вторая часть «Букваря» Ивана Федорова содержит обучение цифрам и счету, а также богатые хрестоматийные материалы для чтения. Здесь же и краткие афоризмы на все буквы алфавита и развернутые поучения — советы родителям и ученикам.

«Букварь» Ивана Федорова, строго говоря, не был первым русским букварем: задолго до него на Руси существовали рукописные «азбуки» и учебные книги. Русская летопись под годом 988 рассказывает о том, как великий князь киев-

ский Владимир Святославич повелел по всем городам и селам собирать насильно у всех знатных людей их «чад нарочитых» и отдавать их в обучение книжное.

Во времена Великого Новгорода, то есть в XII-XV веках, в школах учились не только «нарочитые чада», но и дети горожан и ремесленников. Об этом свидетельствуют, в частности, новгородские берестяные грамоты. В десяти грамотах мальчика Онфина содержатся не только рисунки, сделанные неумелой детской рукой, но и переписанный алфавит, и «склады» (учебные слоги), и отдельные тексты.

Какова же судьба книги Ивана Федорова? Повторные, расширенные издания ее вышли дважды. А в 1596 году в Вильно был издан букварь Леонтия Зизания. И тридцать восемь лет спустя в Москве появляется «Букварь языка словенска, сиречь начало учения детям...» Василия Бурцова-Протопопова. Букварь Бурцова выходит несколькими изданиями, ста-

новится массовым. О книге Федорова постепенно начинают забывать...

Самым лучшим букварем XVII века считается иллюстрированный «Большой букварь», составленный Карионом Истинным для сына Петра I Алексея. Истинин — поэт-монах, ученик Симеона Полоцкого, автор стихотворной энциклопедии «Полис» и «Книги вразумления», которой он наставлял мудрости юного Петра.

Все русские буквари составлялись по методу «буквослагательному», и только в середине XIX века появляются буквари, составленные по методу «слоговому».

Созданный в 1864 году ученым-педагогом К. Д. Ушинским букварь по звуковому аналитико-синтетическому методу оказался для русского языка самым целесообразным.

В послереволюционные годы в советских школах некоторое время имели хождение буквари, составленные по так называемому «методу целых слов». Однако уже в 30-е годы им на смену пришли буквари, в которых окончательно восстанавливался принцип звукового аналитико-синтетического метода.

Последний советский стабильный букварь издан в 1965 году. Он создан учеными Академии педагогических наук СССР в содружестве с известными писателями и художниками.

Букварь — книга книг, «врата учености», самое многотиражное издание во все времена. Книга первых жизненных наставлений, зеркало эпохи — ее высокие идеи и нравственных понятий.

Л. СКВОРЦОВ,

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

На девятой звуковой странице

КОНЕЦ

познакомит читателей еще с одним букварем, хоть и не вошедшим в анналы букварной летописи, но, несомненно, представляющим интерес как для детей, так и для взрослых (стихи Б. Заходера, музыка А. Рыбникова).

Фото Д. Воздвиженского

ПЛАТОЛЕМАЯ БУКВАРЬ

«Кругозор» помогает выбрать ту или иную профессию. В №2 за 1973 год журнал поместил звуковые страницы «Наш первенец» — о ранних советских автомобилях — и «Там, где кончается асфальт» — о водителях Якутии. Но было мало рассказано о профессии шофера. Люда и Сергей Мелькаевы (г. Горький).

Ярко-красный «ЗИЛ-130» с корзиной цветов на бампере в сопровождении эскорта мотоциклистов катил по улицам Москвы. Его приветствовали прохожие, а орудовцы пропускали по безостановочной «зеленой улице». Вел грузовик Анатолий Яковлевич Манахтин — человек, которому коллектив ЗИЛа доверил руль своей миллионной машины.

Два десятка лет объезжает Манахтин сошедшие с конвейера автомобили. Придирчиво вслушиваясь в гудение нового «ЗИЛа», анализирует работу «сердечных клапанов» мотора, состояние всего организма. Самые разные характеры машин. Самые разные дороги.

...Монгольская степь текла под колеса ровно и легко. Горы начались постепенно. Подъемы стали короче и круче. «ЗИЛ» зарокотал напряженной. Но Манахтин довольно улыбался, чувствуя, как уверенно берет машина перевалы.

Вдруг, почти достигнув очередной вершины, колеса проскользнули и стали беспомощно вертеться. Машина замерла на миг и, утратив сцепление с землей, медленно поползла назад по подъему, прев-

ратившемуся в опасный спуск. Прицеп, совсем недавно послушный и смиренный, обрел свободу и стал врагом: торопясь не держали власти десятков тонн на наледи горы...

Ни слова упрека не услышал бы Манахтин, брось он автомобиль в такой ситуации. Но он даже думать не хотел об этом. Будто слившись с баранкой, водитель какими-то только ему известными усилиями направлял и гасил скорость спуска. В себя он верил. В машину верил, как в себя. За нею стояли его товарищи-автозаводцы. За нею стояли более тяжелых испытаний. За нею стоял он сам, рабочий Анатолий Манахтин, который своими руками проверил каждую гайку.

Это было несколько лет назад. Уже тогда, задолго до «миллионного», он доказал свое право вести его.

Он доказывал это право и в юности 44-го, когда еще совсем мальчишкой по пути на работу будил тишину улиц стуком деревянных башмаков, выданных как спецобувь на военном заводе.

Он доказывал это право в жестоких боях за Гданьск, службой на границе в Прибалтике, на Кавказе, на Дальнем Востоке.

Он завоевал это право — день за днем двадцатилетней работой на ЗИЛе.

Самые разные дороги. Самые разные характеры машин...

...Быстротечен конвейер. Каждые две с половиной минуты готова новая машина. А в цехе сдачи и испытаний размеренный ритм резко ломается. Ровный, быстрый доселе поток, словно перед узкой горловиной, начинает громоздиться десятками, сотнями могучих «ЗИЛов». Здесь они проходят проверку. И если для рождения машины требуется около двух часов, то для экзамена на атте-

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И МИНУТЫ

**ПРАВО
НА
МИЛЛИОННЫЙ**

стат зрелости — около пяти. Десятки технологических операций...

Давно уже Манахтин размышлял: что можно сделать для ликвидации затора на конечной стадии четкого производства? И однажды предложил так называемый групповой метод работы слесарей-водителей. Со времен АМО за испытание каждой машины держал ответ один человек. Начавший проверку должен был непременно довести ее до конца сам. А что, если сдавать сменщику незаконченную машину, а на другой день начинать с «доводки», оставленной тебе коллегой? Получилось. Потом образовалась целая бригада, работавшая по бессменному графику на один наряд.

И вот он, результат: задание треть-

го, решающего года пятилетки бригада А. Я. Манахтина завершила на четыре месяца раньше срока, сдав сверх плана шестьсот автомашин.

...Самые разные характеры машин. Самые разные человеческие судьбы, с которыми сталкивает жизнь и за которые заставляет быть в ответе. К нелегкой, ответственнейшей судьбе испытателя готовит Манахтин молодых ребят, выбравших дорогу слесарей-водителей. Они постоянно меняются, его ученики. Но, становясь на ноги, по-прежнему во всем стараются быть похожими на учителя. Столь щедрым может быть только талант, обращенный к людям.

В начале нынешнего года Анатолию Яковлевичу Манахтину было присвоено

звание Героя Социалистического Труда. Первому среди слесарей-водителей страны.

...Ярко-красный «ЗИЛ-130» с корзиной цветов на банпере в сопровождении эскорта мотоциклистов катил по улицам Москвы. Его приветствовали прохожие, а орудовцы пропускали по безостановочной «зеленой улице». Вперед.

Владимир ВЫСОКОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

На второй звуковой странице — будни и праздник московских автозаводцев: рассказ Героя Социалистического Труда А. Я. Манахтина; репортаж о первых шагах миллионного «ЗИЛа».

Фото А. Лидова.

СТИХИ ИЗ-ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

Спартак АХМЕТОВ

25 августа исполнилось 30 лет со дня гибели татарского поэта Героя Советского Союза Мусы Джалиля. Материалы, посвященные Джалилю, редакция «Кругозора» готовила в Москве и Ташкенте. События, о которых идет речь, охватывают около двух лет и прерываются 10 августа 1943 года. В ночь на 11 августа Джалиль был отправлен в Варшавскую тюрьму. Его дальнейшая судьба была предопределена.

Последние стихи Мусы Джалиля дошли до нас в двух тетрадах. Одну из них вынес из тюрьмы Габбас Шарипов, и через вторые руки она попала в Союз писателей Татарии. Вторую тетрадь переслал матери в Бельгию из Моабитской тюрьмы Андре Тиммерманс. Вернувшись на родину после войны, он отнес ее в советское посольство. Была еще тетрадь, которую советскому офицеру, должностному лицу, передал Михаил Иконников после освобождения из плена. Однако она пропала.

В конце первой тетради Джалиль написал свое завещание, в котором указал, что в плену им написано 115 стихотворений, но записал он только шестьдесят: больше не было бумаги. На обложке второй тетради Джалиль указал другую цифру. «В этой тетради, — писал он, — 33 стихотворения, написанные в сентябре 1942-го — ноябре 1943 года. Всего в плену мной написано 125 стихотворений и поэма. Но где писать? Умру вместе со мной». Затем Джалиль, видимо, нашел бумагу, на которой записал еще 17 стихотворений. Всего в «Моабитские тетради» вошло 94 стихотворения.

Где же остальные?

В 1972 году в Москве защищалась диссертация «Муса Джалиль и моабитская группа поэтов». Ее автору, теперь уже кандидату филологических наук Исхаку Хусаиновичу Забирову, удалось разыскать соратников Джалиля, которые помнили его стихи наизусть. Основную массу стихов, не вошедших в «Моабитские тетради», в свое время записал Гафар Фахрутдинов — он столько раз пел их (ибо Джалиль писал именно песни) перед пленными. Однажды Муса Джалиль, услышав его грустное пение, посоветовал петь более оптимистические песни, которыми и стал регулярно снабжать.

Как только немцы решили организовать из пленных татар легион «Идель — Урал» и бросить его против

Муса ДЖАЛИЛЬ

РОДИНА

(песня)

Леса и поляны обвив,
Уральские реки текут.
Отважных джигитов своих
Уральские девушки ждут.
А дома душистые вишни цветут,
В садах голосистые птицы поют.
Пусть вечно сияет над нашей страной
Лучистое солнце — цветок золотой!
Настанет час, в лихом бою
Врагов коварных разгромим.
А если сгнем в злом краю, —
Весной на Родину свою
Мы с птичьей стаей прилетим.
А дома душистые вишни цветут,
В садах голосистые птицы поют,
Пусть вечно сияет над нашей страной
Лучистое солнце — цветок золотой!

КЛЯТВА

Ты, сердце бедное, печаль уйми,
Тебе в лазурной бездне не сиять.
Как вьнут в безысходности умы —
Смогу ли я спокойно рассказать?
Темно и душно, я мечусь в бреду,
В душе надежда больше не звенит.
Кричит о воле сердце. На беду
Вокруг него решетки возвели.
Родной очаг! В пылающем огне
Мне искрой малой промелькнуть дано.
В неволе горькой, в непроглядной тьме
Сердца высвечивать мне суждено.
Свирепы ветры пусть ревут в ушах,
Жестоким стужей душу леденя, —
Сквозь смерть пробьется родничок-душа.
Вобрав тепло родимого огня.
Земля родная! Дай мне молний мощь,
Угаснувшие силы пробуди.
Клянусь тебе: как ни жестока ночь,
Я не сверну с заветного пути!

Советской Армии, в лагере была создана мощная, тщательно законспирированная и широко разветвленная подпольная организация. Во главе ее стояли Муса Джалиль, Гайнан Курмашев, Абдула Алиш (детский поэт) и другие.

Печатались и распространялись листовки, естественно, нелегально. А легально действовала музыкальная капелла, которая выступала с концертами, — это была одна из самых удобных форм для постоянной агитации. Немцев же убедили в том, что регулярные концерты поднимут боевой дух тех, из кого будет формироваться легион.

Основным исполнителем в капелле стал Гараф Фахрутдинов. Ему придумали биографию, выдав за солиста Казанской филармонии. Песни ему передавал или Джалиль, или художественный руководитель капеллы Гайнан Курмашев.

Последний раз Гараф Фахрутдинов видел Джалиля 10 августа 1943 года. После того как первый батальон татар при полном вооружении перешел на сторону белорусских партизан, к подпольщикам был подослан провокатор. 11 августа начались массовые аресты. Было схвачено более сорока человек, но руководители подполья всю вину взяли на себя. Через год, 25 августа 1944 года, они были гильотинированы.

Гараф Фахрутдинов был тоже арестован и затем отправлен на каторжные работы во Францию. Там во главе группы в восемнадцать человек он перебежал в маки и воевал в коммунистическом отряде Цегеля. Командующий силами Внутреннего Сопротивления в Оверни в приказе №106 от 24 августа 1944 года отмечал рядового Фахрутдинова как храброго солдата: «В бою под Бэном 11 августа 1944 года, вооруженный ручным пулеметом, он прикрыл отход своих товарищей, потом, рискуя жизнью, вынес с поля боя раненого командира отделения. А после боя в городе Ле-Пюи ему было присвоено звание шеф-сержанта, и он представлен к награде».

После войны Гараф Фахрутдинов вернулся на Родину. Он коммунист, ударник коммунистического труда. Был руководителем бригады арматурщиков Глазташкентстроя, носившей такое же звание, потом взял себе отстающую бригаду, которая сейчас уже вышла в передовые.

В Ташкенте живет и Исхак Забиров. В 1972 году он получил премию Союза журналистов Узбекистана за статьи и исследования о Мусе Джалиле. Он и передал мне для перевода неопубликованные стихи Джалиля, записанные Фахрутдиновым.

Они сидели рядом, когда «Кругозор» начал запись для звуковой страницы. Гараф Фахрутдинов вспоминал те годы, пел песни Джалиля, Исхак Забиров передавал их смысл, повторяя отдельные строчки по-русски, добавляя в рассказ подробности, которые Гараф Фахрутдинов не мог знать в лагере по условиям конспирации.

РАЗЛУКА

Друзья, вы песен ждете, как всегда.
Что вам открою и о чем спою?
Не спеть ли мне, как вешняя вода
Умчала с шумом молодость мою?
Вы сохранили в памяти своей
Луга и реки — милый Татарстан,
Идели¹ чернобровых дочерей,
Уральских девушек упругий стан.
В покой зеленый город погружен,
Вдали машина не протарахтит.
Старик Шихап, обняв свое ружье,
В сторожке тесной безмятежно спит.
А я проститься с милой не успел
И нежные слова не все сказал.
Стоит береза белая в тоске —
С зеленых век скользят листок-слеза.
Береза, листьев горьких не роняй —
Ликующее лето впереди.

¹ Идель — по-татарски Волга.

Зеленой песней встретила меня,
Теперь зеленой песней проводи.
Скажи, береза, в край, где жил и рос,
К своей любимой возвращусь ли я?
По мягким травмам, в звоне летних рос,
Когда-нибудь еще пройду ли я?
Роняет лист береза и молчит.
Что может безязыкая сказать?
Играют в кроне первые лучи.
Прощайте все. Мне надо уезжать.
Ушел мой поезд, я на части рвусь,
В глазах застыл платочек голубой.
Не плачь, быть может, я еще вернусь...
Мы у березы встретимся с тобой.

ВОЛЖАНКЕ

Восходит солнце над родной страной,
В спокойных берегах течет Идель.
Ты жадно вдаль глядишь, а над тобой
Лазурь небес и жаворонка трель.
Вокруг луга, темнеет лес вдали,

Играет ветер золотом кудрей,
А сердце бедное тоскует, и болит,
И молит: возвращайся поскорей!
Меня любовью одарила ты
И руку жала нежною рукой.
Цветут и вянут пестрые цветы,
А ты все ждешь и плачешь над рекой.
Родная, слезы горькие уйми
И на дорогу больше не смотри.
В полях пылает пламя злой войны,
В огонь и дым идут богатыри.
Шумы, Идель, волнуйся и бушуй.
Пусть будет счастлив мой народ-гранит,
Пусть в плеске волн и в блеске вольных
струй

Победная симфония гремит!

*Стихи написаны
не позднее августа 1943 года.*

На фото: памятник Мусе Джалилю
в Казани; Гараф Фахрутдинов (снимки
1944 и 1974 годов).

По комнатам Дома-музея П. И. Чайковского в Клину читателей и слушателей «Кружозора» ведет Ксения Юрьевна Давыдова. Внучатая племянница композитора, историк музыки и хореограф, она с давних пор связала свою жизнь и работу с Клинским мемориалом — одним из замечательных исследовательских центров советской и мировой музыкальной культуры.

Вы входите в кабинет-гостиную Петра Ильича Чайковского в Доме-музее в Клину — и ваше внимание сразу привлечено роялем, стоящим посередине комнаты. Его преподнесли композитору владельцы фортепианной фабрики «Беккер», обещая каждые десять лет заменять инструмент новым, чему, увы, не суждено было сбыться...

Петр Ильич недолго жил в клинском доме — последнем своем пристанище, но многое здесь типично для обстановки его жизни. Простая, разнотильная мебель кажется даже бедной. Но Чайковскому нужна была не роскошь, а уют привычных предметов, тишина и свобода для творчества. Множество портретов на стенах напоминало о дорогих, близких ему людях, о тепле дружеских, сердечных отношений. По вечерам, когда Чайковский по раз заведенному правилу прекращал работу, его собеседниками становились книги. Они и сейчас стоят на тех же местах, что и тогда.

Читал Чайковский много, жадно. Зорко следил за всем новым, появлявшимся в отечественной и зарубежной литературе. Интересы его были широки: естественные, история (в особенности русская), критические и философские труды, художественная литература — Лев Толстой, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Байрон, Бальзак, Флобер, Золя, Чехов... Первые наброски многих своих произведений — опер «Мазепа» по Пушкину, «Орлеанская дева» по Шиллеру в переводе Жуковского, романсы на слова Я. Полонского, А. Плещеева, А. Толстого — композитор делал прямо на полях книг.

Книги на иностранных языках находятся в шкафу, стоящем в спальне Чайковского. Тут же рабочий стол, простой стол, сделанный руками деревенского столяра. Широкая липовая доска понадобилась композитору, чтобы удобно было рас-

ставлять нотные бумаги, в особенности партитуры, большого формата. За этим столом создано много из великих Шестая симфония Чайковского и написан его «столбом Шестой симфонии».

Писал композитор свои сочинения без инструмента. «Большинство мыслей... возникает во мне во время моих ежедневных прогулок» — писал он. Шестую симфонию он начал сочинять во время заграничной поездки «мысленно», как общался в одном из писем. Но инструмент тем не менее был нужен. Нужен, чтобы проверить написанное. Нужен при работе над переложением оркестрового сочинения для фортепиано. Нужен для вечернего музицирования — оживления с новыми произведениями современных композиторов, изучения некоторых сочинений классиков. И поэтому рояль был привезен в Клин, как тогда там поселился Чайковский. Это было в 1885 году.

С этим инструментом связано рождение нескольких произведений, как оригиналь-

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

РОЯЛЬ В КЛИНУ

На шестой звуковой странице вы услышите «Осеннюю песню» Чайковского в исполнении пианиста Аркадия Севидова (на фото в центре). Звучанию клинского рояля предшествует короткая экскурсия по комнатам Дома-музея.

ных так и транскрипций. Летом 1893 года была переложена для фортепиано в четыре руки Шестая симфония. В 1885 году была написана пьеса «Думка».

Она была заказана Чайковскому его французским издателем Ф. Маккаром и посвящена профессору Парижской консерватории А. Мармонтелю, учителю Ж. Бизе. Затем были созданы два экспромта — первый посвящен А. Г. Рубинштейну, второй, «Лирический момент», написан для чешского журнала «Фортепиано». Долгое время считалось, что Чайковский не закончил эту пьесу. Ее подготовил к печати его издатель С. И. Танеев. В 1894 году пьеса была опубликована в чешском музыкальном журнале. Экземпляр журнала не был похищен в Клину, видимо, из-за смерти композитора. Сейчас в музее есть фотокопия этого издания. Рукопись же остается доселе не найденной.

Последние фортепианные произведения Чайковского — это восемнадцать пьес, сочиненных в 1892. Первые наброски выхвачены на обороте переплета и форзаце тет-

ради № 17 полного собрания сочинений Моцарта. Кто знает, может быть, на этот раз Моцарт — любимый композитор Петра Ильича — дал ему творческий импульс?

Маленький «Беккер» служил Чайковскому верой и правдой, переезжая с ним из одной квартиры в другую, даже последовал за композитором в Москву, когда Петр Ильич в 1889 году сделал попытку переехать в столицу. Но самое большое путешествие совершил рояль в 1941 году: по решению Советского правительства он был эвакуирован в город Воткинск. Кажется, это единственный период, когда «Беккер» молчал...

19 октября 1893 года Петр Ильич покинул Клину, чтобы уже туда не вернуться. Никогда больше его руки не прикасались к клавиатуре «шпая инструментов». Но рояль остался на месте, на нем играли музыканты, гости музея, гости Модеста Ильича — главного создателя музея в Клину, родные Чайковского. Известно, что Модест Ильич и Владимир Львович Давыдов любили играть в четыре руки симфонические произведения Петра Ильича.

В наши дни рояль этот — драгоценнейшая реликвия. По традиции его открывают два раза в год — в день рождения композитора и в день его памяти. В эти дни музыка Чайковского предстает перед нами такой, какой он мог слышать ее сам.

К. ДАВЫДОВА,
заместитель директора
Дома-музея Чайковского

Объектив скользит по стенам, окнам, книжным полкам дома в Клину — немого свидетеля титанического труда Чайковского. Панорама реликвий (крайние фото): «стол Шестой симфонии»; камerton и футляр с пением на открытом бюваре; «русская» библиотека композитора с экземпляром «Онегина», испещренным его пометками; балкон-фонарик. В центре запечатлены: момент открытия клинского рояля во время посещения музея членами жюри и участниками V конкурса имени Чайковского и «молчание» инструмента, после того как за гостями закрылись двери...

**Фото Л. Лазарева
и О. Макарова**

«Мальчики завода «Розенкранц». Долой эксплуататоров и да здравствует детский социализм!» Не знаю, кто вывел на квадрате кумача эти неровные буквы, но не мог без волнения смотреть на него — самое раннее, пожалуй, знамя самых молодых бойцов революции. Мне представлялись ученики славного завода, нынешнего «Красного выборжца», юные друзья питерца Максима, гордо несущие свой флаг по петроградским улицам Первого мая 1917 года...

Комсомольские знамена! Их постигаешь как азбуку революции. Развернутым строим приветствовали они XVII съезд ВЛКСМ. И многие участники съезда узнавали в них свою юность.

— Здравствуй, друже! Вот и свиделись, — сказал инженер Горьковского автозавода Владимир Шубин полотнищу «ЦК ВЛКСМ — лучшей фронтовой комсомольско-молодежной бригаде». Восемнадцать месяцев подряд шубинская бригада завоевывала его в 1941 — 1942 годах.

— С этим знаменем наш женский комсомольский авиаполк громил фашистов в

кие комбинаты, предприятия тяжелого машиностроения и химии.

...Среди добровольцев, высадившихся с парохода «Колумб» на берег Амура, были волгарь Алексей Смородов, демобилизованный моряк Хазбулат Загипев и будущий летчик Алексей Маресев.

— Всему нашему поколению дальневосточные партизаны-красногвардейцы вручили в 1936 году Памятное знамя «Молодым строителям Комсомольска», вспоминает Алексей Петрович Маресев.

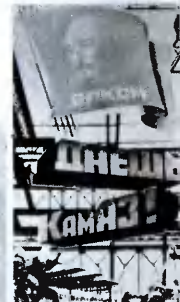
В первый же день работы Загипев отрезал голенища собственных сапог, чтобы соорудить мехи для кузницы. Смородов в соревновании завоевал право вместе с маршалом Блюхером заложить первый камень в фундамент первого завода. Имя Маресева, вместе с другими корчевавшего дальневосточную тайгу, стало широко известным позже, в Великую Отечественную войну.

Мужество комсомольцев военных лет запечатлено в названиях знамен: Гвардейского стрелкового полка имени Александра

областной организации за успехи в строительстве нефтепровода «Дружба». Кормовой флаг атомной подводной лодки «Ленинский комсомол», совершившей кругосветное плавание. Вымпел ЦК ВЛКСМ, побывавший на борту космического корабля «Союз-9» и переданный победителю соревнования в честь XXIV съезда КПСС — комсомолу Украины. Стяг комсомольцев сборной СССР 1972 года, завоевавшей для Родины олимпийскую победу...

От заповярной атомной электростанции в Билибине до новой плотины на Вахше, от Запсиба до КамАЗа, по полям Нечерноземья, нефтегазовым вышкам Тюмени и пунктиру Байкало-Амурской магистрали проходит сегодня передний край пятилетки. И опорные пункты его отмечены флагами Всесоюзных ударныхстроек...

В весенние дни 1975 года лучшие из лучших молодые рабочие и грузники села, студенты и учащиеся страны встали на пост у святыни нашей Родины — Знамени Победы. И в этом тоже преемст-

Донбассе и на Кавказе, в Белоруссии и Польше, — слушали делегаты съезда рассказ Героя Советского Союза Марины Чечневой у гвардейского стяга. — Последние вылеты мы совершали севернее Берлина...

Обвожу глазами шеренгу стягов, словно перелистываю алые страницы необыкновенной книги.

Памятное знамя «Комсомол, вперед за пятилетку!» относит нас ко времени, когда десятки тысяч юношей и девушек отправились на берега Волги возводить тракторный и автомобильный гиганты, на Урал и в Сибирь — закладывать металлургичес-

Матросова, Отдельной танковой бригады имени Челябинского комсомола, Краснодонской городской организации, Московского комсомольского полка гвардейских минометов («катюш»), крейсера «Комсомолец»...

В послевоенных главах летописи — знамена Сумгаита, Братска, Рудного, Качканара, Новоолошка, Дивногорска, Целинограда... Это адреса подвига нового поколения. Он многомерен и многолик, ежедневный, ежечасный подвиг советской молодежи. Перелистаем еще несколько алых страниц. Переходящее знамя ЦК ВЛКСМ, оставленное навечно Львовской

венность поколений Ленинского комсомола, свято выполняющих клятву, данную полвека назад.

Валентин МАНИОН, специальный корреспондент «Кругозора»

Портрет поколения. Он может возникнуть в твоём воображении под яростный плеск пробитого пулями знамени и в тиши музейного зала. Он рождается под кистью художника — как на старых и новых плакатах, помещенных в «Кругозоре». Его может воссоздать давняя запись. Поставьте на проигрыватель первую звуковую страницу. Вслушайтесь в голоса комсомольских поколений, в их песни...

По просьбам
читателей

СПОРТИВНАЯ
ДОБЛЕСТЬ

...и
красота
и
мысль
игры

Тот пронизанный ливнем июльский день, когда капитан сборной ФРГ Франц Беккенбауэр поднял над головой футбольный Кубок мира, от нынешнего отделен уже немалым временем. Времени, во всяком случае, вполне хватило на то, чтобы тщательно подсчитать очки, спеть оды победителям и погорбеть о побежденных. (Хотя к какому разряду прикажете причислить третьих призеров — польских спортсменов, впервые после долгого перерыва выступивших в финале и выступивших великолепно?) Словом, касаться конкретных сторон футбольного фестиваля, собравшего в Европу сильнейшие дружины со всего мира, здесь вряд ли стоит. Нелишне, однако, заметить, что результаты соревнований, вероятно, могли быть несколько иными, если б в футбольном споре приняла участие сборная СССР, получившая, как известно, от махинаторов из ФИФА незаслуженный «пенальти». Не зря многие футбольные эксперты усматривают в послемюнхенских играх тех же киевлян «неплохую интерпретацию голландского варианта». Но вернемся в тот июльский день.

80 тысяч зрителей заняли места на олимпийском стадионе Мюнхена. Играют сборные ФРГ и Голландии. К счастливицам, которые наблюдают игру, что называется, воочию, присоединились еще около миллиарда радиослушателей и телезрителей всех пяти континентов. Цифра фантастическая!

Казалось бы, матч как матч. В футбол играют уже добрую сотню лет. И в Мюнхене на зеленый прямоугольник стандартных размеров английский арбитр Джек Тейлор вынес обычный мяч, вызвал в центр по одиннадцать парней.

И началось...

Зритель вдруг почувствовал: из простого зрелища спорт превращается в воспитателя. Это уже не только сила и ловкость. Это и красота и мысль. Настоящий спорт — это и чувство долга и чувство справедливости. Вероятно, чтобы ощутить и принять эту перемену, нужно быть новым зрителем. Зрителем, которого воспитал новый спорт, принадлежащий сфере скорее нравственной, чем физической.

Конечно, как и прежде, важно, кто победит. Но не менее важно — как! Стоило недавним кумирам — бразильцам вдруг потерять голову и противопоставить элегантной игре голландцев откровенную грубость, как стадион тут же зашелся криком негодования. Зритель был вправе ожидать иного духовного содержания от игры недавних чемпионов.

Он ждал этого и от заключительного матча, подводящего итог четырехлетнему состязанию сотни футбольных коллективов. Матч этот, по всеобщему мнению, был не столько спором двух национальных команд, сколько свидетельством совершенства физической подготовки, определенной стратегии и тактики игры. Вот почему у экранов собрались миллионы.

Говорят, западногерманским футболистам больше везло. Но только ли в этом сила воспитанников тренера Хельмута Шёна? Возможно, ответ вы найдете на пятой звуковой странице.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Признание знаменитого бразильца Пеле: «Футбольный стиль диктует Европа!» Вот они, сегодняшние законодатели моды, — футболисты Голландии, Польши и ФРГ.

Фото А. Хоница и И. Уткина

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

Заслуженная артистка РСФСР В. Владимирова, создавшая в кино сорок ролей, в сущности, всегда играет одну героиню — доброго человека. Она удивительно уме-

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Григорий ЧУХРАЙ,
лауреат Ленинской премии

Недавно мне довелось прочитать критическую статью об одном фильме. Суть ее сводилась к следующему: фильм, мол, хотя и скучный, но, несомненно, полезный, имеет большое воспитательное значение, ибо освещает важную тему.

К сожалению, с подобной оценкой встречаешься довольно часто. Доверчивый читатель может подумать, что и в самом деле существуют скучные, но полезные фильмы, книги, полотна.

Лично я не верю в воспитание при помощи скуки. Скука бесплодна и не может способствовать обогащению души. Информация, полученная в атмосфере скуки, либо не усваивается, либо остается в памяти мертвым зерном, которому не суждено прорасти.

Говорят, что эмоции не всегда необходимы. Для многих профессий они, мол,

не только излишни, но и вредны. В качестве примера называют профессию ученого. Но это глубочайшее заблуждение! Все великие труды — открытия, изобретения — рождены сильными и прекрасными чувствами. Научные труды Маркса и Ленина, например, не появились бы на свет, если бы в сердцах их авторов не жила жгучая ненависть к социальной несправедливости, унижающей и угнетающей человека, если бы не были они окрылены страстной мечтой увидеть людей свободными, счастливыми, гармонически развитыми.

Чем богаче эмоции человека, чем они сильнее и тоньше, тем значительней его поступки и дела. Люди равнодушные, не умеющие сильно и ярко чувствовать, никогда не совершали и не совершат ничего сколько-нибудь заметного ни для себя, ни для других.

Настоящее искусство всегда эмоционально, оно учит любить и ненавидеть, отличать красивое и доброе от уродливо-

го и злого. Искусство воспитывает чувства, и в этом его главная функция.

Великий поэт земли русской Александр Сергеевич Пушкин, осмысливая сущность своей деятельности, писал: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». Искусство способно воспитать хорошее в человеке, и, исполненный «чувств добрых», он хорошо трудится, честно служит, продуктивно творит. Вот почему произведения Пушкина и Толстого могут скорее поднять производительность труда, чем скучная книга или фильм на производственную тему.

Впрочем, искусство можно использовать и для воспитания дурных, недобрых эмоций: ненависти, жестокости, животного эгоизма, национальной исключительности, стяжательства. Проповедь таких чувств есть преступление.

Мне приходилось слышать мнения, что солдат не должен быть добрым. Война, мол, дело жестокое, на войне приходит-

ет говорить с людьми, делясь размышлениями о жизни. Вот так, как в беседе с молодыми рабочими на четвертой звуковой странице. Фото А. Лидова.

ся убивать... Приходится — это верно! Но я сам был солдатом и убедился, пройдя войну, что хорошо воюют только люди, воспитанные на добрых чувствах. Любящие насилие мизантропы — плохие солдаты. Они мастерски убивают, но плохо воюют. В бой за правое дело солдата ведет не жестокость, а чувство справедливости, любовь к отчизне, к своему народу.

Пробуждать добрые чувства в сердцах миллионов своих читателей, слушателей, зрителей — главная задача, главный смысл деятельности советского художника. Мы должны воспитывать и защищать добрые чувства — человеческое достоинство, уважение к другим людям, любовь к труду, ответственность за судьбу своей социалистической Родины, готовность отдать ей все силы души, а если потребуются — и жизнь.

Скучный фильм этому не научит. Скучный фильм не научит ничему! «Скучного, но полезного» искусства не существует.

Мальчишкой он учился в Одесском музыкальном училище по классу контрабаса, а сам мечтал о карьере певца... И пел — в самодеятельности, дома, у друзей, в случайных концертах. Шестнадцать лет назад его мечта исполнилась — он впервые вышел на профессиональную сцену.

Сейчас Валерий Ободзинский — признанный эстрадный певец. Много времени потратил он на то, чтобы найти себя, уйти от наносного, манерного, хотя и эффектного.

— Когда я начинаю работать над песней, — говорит Ободзинский, — я прежде всего вчитываюсь в нее в полном смысле слова. И только потом, уже прочитанную и понятую, начинаю петь. Донести песню, раскрыть ее глубину, красоту — высшая радость для исполнителя!

Валерий Ободзинский мечтает о том, чтобы его концерт был не просто исполнением разных песен, а крепким сплавом слова и музыки, чтобы одна песня вытекала из другой, закрепляла бы ее.

И в последней его программе уже есть

По
просьбам
читателей

эта смысловая связь между песнями, некая непрерывная цепь, одно звено которой связано с последующим. Он начинается песней о Москве и заканчивает выступление ею же, как бы заключая программу в музыкальный венок. И если он поет песни о молодости, о любви, дружбе, то сюда вписываются самые разные песни, и прежде всего великодушная песня Эдуарда Колмановского «Алеша».

Публика принимает Ободзинского и его помощников — ансамбль «Верные друзья» — горячо. В репертуаре певца песни новые и старые, грустные и лукавые, песни хорошие и средние. И, наверное, нельзя, а может быть, даже и не нужно составлять программу только из известных, признанных песен — ведь каждому певцу хочется быть первооткрывателем...

Большое дело — дать песне жизнь, окрасив ее своим отношением, своим восприятием. Этому и старается всегда добиться Валерий Ободзинский.

Фото
С. Ветрова

Никита БОГОСЛОВСКИЙ,
народный артист РСФСР

ВЧИТЫВАЯСЬ В СЛОВО

ОХОТА НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Глеб ГОРЫШИН

По реке Вяльниге можно плыть на белом маленьком пароходе. Впрочем, какой пароход? Ни пары в нем, ни котла, ни трубы, ни дыму. По Вяльниге ходит речной трамвай. Но «трамвай» здесь не к месту. Место здешнее, если плыть вниз по реке, низко, болотисто, берега вровень с водой, избы в в селах высоко подняты над землей, чтоб не достала вода: ни лесу тут, ни прохожего на дороге, да и дорогу не сыщешь — хляби. Пусто, ровно, чайки летят, чибисы жалуются, играют на флейтах кроншпеи. Для чего здесь «трамвай», хотя бы даже речной? Трамвай — для толпы, для сутолоки, для Москвы-реки, для Невы, для Средней и Малой Невки.

Пароходик потретсе бортом о деревянную стенку в Кондрашкине, потом в Рыбине. В Гумборице его надолго привяжут к причалу канатом.

Из Гумборицы в Пялье иду пешком — берегом канала, кромкой берега. Канал прорыли округ озера более ста лет назад. Скорость судов-пароходов утроилась за столетие или учетверилась. Волна от гребного винта бьет в берега, берега обламываются, падают в воду. Натопчут тропу, через год приезжаешь — и нету ее. Предвижу то время, когда размоет земляные валы вдоль берегов канала, уровень воды сравняется с уровнем болотистого луга, канала не станет. Может быть, впрочем, канал углубят, берега укрепят. Возле Гумборицы уже хлюпает землечерпалка...

Берегом можно дойти до речки Кундорожи. Тут надо свистнуть, крикнуть, на лодке придет егерь Сарычев, перевезет. На том берегу Кундорожи охотничья база.

Владения Сарычева — губа: утиное государство, камышовая чаща, плавни. Весною он охраняет губу от выстрела, осенью принимает стрелков, выводит их на линию огня.

— За губой есть глухариный ток, — говорит егерь. — В прошлом году я был вечером, слушал прилет. Три глухаря, сам слышал, как сели. Если зимой сплавная контора так не вырубилла, значит, порядок. Выстрелов не было там, я бы услышал. Сам я вообще не охочусь, моя должность диспетчерская. Я тебя свезу, а там посмотрим, какой ты охотник. Глухариная охота царская, экстракласс...

— Неужто подняли руку на ток? Какая в этом нужда-то? Лесники знают тока, отводили лесосеку, могли же сказать...

Тока существуют веками. Зачем их рубить? Из-за двух десятков деревьев рушить целое глухариное государство.

Мы еще поговорили с егерем, перекусили, сошли к губе, сели в лодку — я на весла, егерь в корму. Упираюсь веслами в воду и ощущаю инертность, упрямую волю воды к покою.

— Ну-ка, правым давай, — командует егерь. — Вот же сукины дети, сеть поставили...

Сети ставить в губе нельзя. Тут нерестилище, рыбий заказник, вольные воды. Егерь выбирает браконьерскую сеть, в ней запутались щучки, язи, налимы, плотицы, судак расшлепал колющий плавник... Егерь кидает сеть комьями в лодку. Его загорелое, светлоглазое, безмятежное лицо искажает азарт. Движения становятся порывистыми, мелкими, поспешными. Я смеюсь:

Рисунок С. Алимова

— Что, Евгений Васильевич, награбленное грабь — так, что ли?

Смеюсь-то я смеюсь, а не да смеха: сеть дорогая. Может статься, ее хозяин сейчас затаился в прошлогодней тресте, взял нас на мушку.

— Да я знаю их всех как облупленных, — успокаивает меня Евгений Васильевич. — Явятся как миленькие за сетью.

— Ну и что же, отдашь?

— Отдам. Помуржу немножко... Пускай почувствуют. Им нельзя показать слабинку.

Переплыли губу, подтянули голенища сапог, побрели, как лоси, по брюхо в воде. Сеть с рыбой егеря спрятал в кусты. Он наказал браконьеров, но в том, как прятал рыбу, взятую без труда, тоже виделась мне браконьерская хватка.

Из болота мы выбрались на свежую вырубку. Лес весь свели, только кое-где торчали неразвившиеся деревья, болотные сосенки-подростки.

— Срубил их, сукины дети, — сказал егеря Сарычев. — Вообще-то я бы запретил охоту на глухарей: все же глухарь — царь птиц, самый древний житель лесов, реликтовое явление. И тебя бы на ток не повел... Ну, ты-то, ладно, все же писатель, чего-нибудь сочинишь. Для тебя можно сделать исключение. А больше никому я этот ток не показывал. Толку-то что. Срубил его подсистую — и амба...

Егеря словно читал мои мысли. Наверное, в лесу одни и те же мысли приходят различным людям на ум.

На песчаном пригорке мы устроили ночлег, наготовили дров. Пошли на подслух, то есть в такое место, где можно послушать вечерний прилет глухарей. Впрочем, без надежды услышать. Чего прилетать-то на голое место? Но что-то такое послышалось мне. Егеря сказал, воротись:

— Один вроде сел, хлопал крыльями...

На самом краешке ночи, в канун рассвета, на вырубке будто послышалась глухариня песня. Пропала. Всю зорю мы шлялись по вырубке зря. Сойдясь у нашего бивуака, разживили костер, спекли картошки. Егеря Сарычев стал собираться. Я сказал, что останусь еще на сутки. Что-то тут все-таки есть.

— Ну, смотри, — сказал егеря. — У меня база брошена, сабаки не кормлены. И приехать за тобой едва ли выберусь. Придется тебе пешком идти. Пойдешь — держись берега озера. Иначе в болоте утонешь. До Бережно дойдешь, там есть дорога на Пялье. Но, учти, это километров, наверное, сорок.

— Дойду. Не впервой.

Дойдешь, конечно. Ноги длинные. Я-то бы ни за что не пошел, даже за большие деньги. Ты в городе засиделся. Тебе полезно.

Сарычев высыпал из котомки десяток картошин. Хлеба у нас не осталось, соль вышла вся, чай мы выдули ночью. И курева не осталось.

Когда егеря ушел и стихло чавканье его сапог по болоту, я сел на валежину, принялся смотреть вокруг, слушать... Когда-то, больше тридцати лет назад, здесь проходила линия обороны: солдаты насыпали вал вдоль берега озера, на валу теперь выросли елки, березы — над болотом возникла

грива. Сквозь гриву виднеется озеро; над ним другого цвета небо, другие птицы, ветер, распахнутый горизонт, русая треста, лилово-синий дым. Утки резвятся в тресте, любуются, кричат, гоняются друг за дружкой. Они не боятся меня.

За сивыми камышами озеро гудит, как завод. Проплывают над камышами белые рубки лихтеров...

Я сижу, но как будто плыву, дремлю, как серая крычка на крыше ондатровой хаты, растворяюсь в лилово-синем дыму, в устойчивом жаре солнца. Время утратило протяженность, мир — материальность; не стало леса, берез и елей, только волны колыхнут меня...

Вечером глухари прилетают на токовище точно в назначенный кем-то час, в двадцать один ноль-ноль. К этому часу я прибыл на вырубку, на бывшее токовище, прислонился спиной к корявой болотной сосенке; ей никак не хватило из своей отроческой тонкомерности. Весь лес на болоте — подростки. Я ждал, поглядывал на часы. Чем ближе подвигалась стрелка к урочному часу, тем больше я верил в непереносимость прилета. Я прожил сутки в лесу, что-то понял, услышал какие-то вести. Глухарь уже вылетел, подавал мне сигналы. Он сядет вон там, на суку...

Он прилетел низом, шумно хлопая крыльями, в три минуты десятого, сел, квыкнул, щелкнул клювом...

Убийство глухаря не по правилам, в неурочное время, без песни его в рассветном лесу, без скачков охотника по болоту под песню, без этой высокой страсти охоты, без поэзии, без искусства, означало как бы мое моральное падение... Я оказывался в одном ряду с теми, кто срубил сосенки на глухариню току, кого мы недавно осуждали с егерем Сарычевым.

...Глухарь между тем поперхнулся, в тревоге присел на суку, готовый взлететь. Я его убил, он упал.

Вечер был ясный, а в ночь разыгрался бурян. Снег густо ложился и таял, к утру превратился в ливень. Пока я дошел берегом озера до охотничьей базы, чувство вины в убийстве реликтовой царственной птицы вымерзло, вымокло, стекло с меня струями снежной воды.

Вот так же, наверное, и лесорубы — пришли на делянку по стуже, утаптывали снег вокруг каждого дерева; зубья моторных пил остервенело грызли мерзлую древесину; обрубщики сучьев махали топорами до седьмого пота. Рычал трелевочный трактор, торил колеи по зимнику лесовоз. И высоко вздымалось пламя большого кострища, сложенного из хвойных лап. И если нашлся среди лесорубов радатель леса, с печалью глядевший на гибель сосновой куртины — исконного токовища, то печаль его растворилась в жаркой работе, вымерзла в дальнем пути с делянки домой. Работа сама себе оправдание.

Сарычев повесил глухаря на гвоздь в сених, сказал: — Вот же насколько сильный у птицы инстинкт. Ток вырубил, а все равно его тянет... И ничего не напишешь. Я уже думал, что ты не зайдешь, хомом в Гумборицу дунул...

— Да я убил-то его, понимаю, не по закону: не на току, не под песню — вечером на подслухе.

— А ты никому про это не говори, — сказал Сарычев, — убил — да и в сумку.

Может показаться, что время странствующих музыкантов ушло. Но видя, как один из «Трех менестрелей» — Жан-Луи Фенолио — сам помогает вешать занавес в одном из наших клубов, перебрасывая шутками с Марией Сандрини и Раймоном де Рикером, я подумал, что балаганчик на колесах все-таки жив. Правда, колеса могут принадлежать автомобилю, а не фургону, но принцип «бродячей» жизни «Менестрелей» от этого не меняется. Они странствуют по свету более двадцати лет.

Первая их встреча произошла в кафе «Бонапарт» в Париже. До этого лишь Жан-Луи принадлежал к актерскому составу (у него было даже аншла — «дурно воспитанный сыночек»), но маленький опыт был и у остальных.

Машинистка не мешала Марии выступать в кабаре. Парикмахер Рикер иногда во время длительной завивки мог вполголоса изобразить какую-нибудь мелодическую фигуру, что делал очень точно, ибо обладал превосходным слухом.

ЖИВ БАЛАГАНЧИК!

Договор был заключен, и «Три менестреля» не расстанут — до сих пор.

Они не сочиняют своих песен сами (строго говоря, эти менестрели и отличались от трубадуров в давние времена), но полностью трансформируют мелодию, сюжет, текст для троих. Каждая песенка должна превратиться в крошечный фильм, спетую и сыгранную миниатюру.

Представление «менестрелей» начинается неожиданно. Они показывают песенку «Идет коза рогатая». Очень странная коза — шестирукая, шестиногая, с тремя головами — ползет, ползет, сейчас укусит (зачтено, что у французских детей есть точно такой же «страшный персонаж», как и у наших, правда?). А потом выясняется, что коза рогатая — автошарж, шуточный символ самих «Трех менестрелей», и это, в сущности, доброе животное, никому не делающее зла... Продолжая «зоологическую» панораму, актеры переносят вас в мир игрушечных зверей Уолта Диснея, и долго еще у вас в ушах будет стоять крик Зеленого Дятла в «Песенке-мультике».

Есть серьезные мгновения в этом динамичном спектакле. Два из них связаны с именем Пиаф. «Менестрели» вспоминают о ней в балладе «Она больше не поет». Автор второй песни — пианист ансамбля Лабади. Когда-то он написал для Пиаф трагическую поэму «Смотри, вот идет моряк». Сандрини рассказывала, что был момент, когда «Менестрели» выступали в «Олимпии», а Пиаф — в «Бобино». И едва падал занавес, как они бежали в другой конец города послушать бессмертную Эдит. Та, замерев, одиноко стояла на сцене, как на набережной, ожидая «своего моряка». Подражать Пиаф было бессмысленно, и «Менестрели» превратили песню в драматический марш.

Тут же полная перемена декораций, и вы в мире старинной комической оперы, с речитативами, клавесином и «петушиными» верхами классических арий. Еще минута, и к рампе выбегают три школьника в коротких штанишках, которые умоляют директора пересадить

ГОСТИ
МОСКВЫ

их подальше от батарей, освободить от физкультуры и задать на дом поменьше задачек...

Спектакль «Трех менестрелей» редкостно оптимистичен: они веселы и остроумны от природы — таково и искусство их. Они заканчивают представление так. «Ежели вам, — обращаются они к публике, — понравится наш вечер, скажите об этом друзьям — пусть придут. Быть может, их ждет удовольствие. Вы разочарованы? Шепните об этом вашим недругам — пусть придут, мы доведем их до белого каления... при помощи песен и смеха».

«При помощи песен и смеха» — таков творческий девиз «Трех менестрелей», застывающих перед залом с улыбкой на устах в прощальном поклоне.

Т. ДМИТРИЕВ
Фото автора

На одиннадцатой звуковой странице «Три менестреля» исполняют «Ради поэзии» (Амад — Данель), «Песенку-мультик» (дю Пак — Шоби), «Она больше не поет» (Левей — Венсан).

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КРУГОЗОРА»

«В их пении были неподдельная искренность, великая простота... и то особенное, не допускающее ни малейшей фальши и подделки «песенное действо», которым так богаты народные русские таланты».

Меткость этих слов, принадлежащих художнику Сергею Коненкову, позволяет адресовать их и героиням нашего очерка, хотя написаны они были под живым впечатлением от пения других певцов.

В январе 1911 года московская публика была уведомлена о «Концерте крестьян-великорусов, специально выписанных из Воронежской, Рязанской и других губерний». Ничего подобного доселе русская концертная сцена, избалованная именами мировых и отечественных знаменитостей, не знала. Это была сенсация! Сенсация факта, сенсация, закрепленная затем грандиозным успехом крестьян на авторитетнейшей сцене Большого зала Московской консерватории.

Именно под впечатлением одного из этих концертов и писал Сергей Коненков свои заметки, присовокупив, что был поражен не только слышанным со сцены, но и тем, как реагировал зал, а более всего сидящие в первом ряду партера Сергей Васильевич Рахманинов и Федор Иванович Шаляпин.

Событие это вызвало обильную восторженную прессу. Среди исполнителей особенно были выделены семидесятилетняя Аринушка (под таким ласкательным именем она и вошла в историю) Колобаева, ее две дочери и Митрофан Пятницкий, певец, организатор, руководитель собранного и привезенного в Москву хора. Сам Пятницкий, как и Аринушка Колобаева, уроженец села Александровка.

Начинанию Митрофана Пятницкого суждена была долгая и блистательная жизнь в искусстве, а село Александровка, воронежская земля до сих пор питает народными талантами лучшие хоры страны.

Наталя Васильевна Долгушина, Матрена Михайловна Евстратова и Матрена Афанасьевна Хромых тоже из Александровки. С тех пор как помнят себя, они пахали, сеяли, уха-

живали за скотиной, растили детей, а потом и внуков. Сколько помнят себя — а им за семьдесят, — они поют. И каждое свое выступление ощущают как праздник, может быть, оттого, что песня русская, само пение — дело для них, столь же полное смысла и значения, как смена времен года или календарных крестьянских работ...

Они не стали профессиональными певцами, но пение их тем не менее совершенно той неброской, мудрой красотой, что отличает подлинное искусство. Они владеют секретом полифонического вязания голосов и подголосков в узор строгий и небальный.

Сохранив в памяти обрядовое своеобразие песен, открывающих нам быт и чувство старой деревни, они донесли до нас стилистику местного говора и язык, бытовавший в тех местах по меньшей мере полтора столетия назад.

Великолепие песен, подспудно живших в воронежских деревнях, заставило музыканта-самоучку Митрофана Пятницкого вывести их на суд большого искусства. Услышав его хор, Иван Алексеевич Бунин восторженно воскликнул: «Это хорошо, как розовые зори, как широкая степь! Как зеленый лес! Так хорошо! Так хорошо! Хорошо!»

Песни воронежской земли волнуют и сейчас всех, кто обращает к ним свое сердце.

**Л. ЗАКОШАНСКАЯ,
В. ТОЛМАЧЕВА,**
специальные
корреспонденты
«Кругозора»
с. Александровка,
Воронежская обл.

*На восьмой звуковой
странице
вы услышите
пение колхозниц артели
«Родина Пятницкого»
Воронежской
области —
Натали Васильевны
Долгушиной,
Матрены Афанасьевны
Хромых и
Матрены Михайловны
Евстратовой,
а также их
рассказ-воспоминание
о том,
как начинали они петь и
какие песни пели.*

Фото С. Ветрова

НА РОДИНЕ

ПЯТНИЦКОГО

слушайте

в

номере:

9 (126) сентябрь 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. **Коммунизм возводить молодым.** Голоса комсомольцев разных поколений; выступление М. Горького на VII конференции ВЛКСМ.
2. **Новое — всегда трудное.** Говорит испытатель «ЗИЛов» Герой Социалистического Труда А. Я. Махтин.
3. **Песни Мусы Джалиля.**
4. **Умей быть добрым.** Рассказ актрисы В. Владимировой (запись сделана в рабочем общежитии).
5. **Футбол-74.** Фрагменты матчей чемпионата мира и спортивный марш в исполнении чемпионов.
6. **Звучит клинкий рояль Чайковского.**
7. **Монсерра Кабалле в «Норме» Беллини.**
8. **Хор воронежского села Александровка.**
9. **Место буквы «Я».** Для детей и взрослых.
10. **Поет Валерий Ободзинский:** «Вечный вальс» (Н. Богословский, И. Кохановский) и «Я люблю» (Д. Тухманов, В. Харитонов).
11. **Ансамбль «Три менестреля»** (Франция). «Ради поэзии», «Песенка-мультик» и «Она больше не поет».
12. **Сильвия Вретхеммер** (Швеция): «Танцуй со мной» (Ч. Холланд, К. Врисвийк), «Нежные ветры» (Э. Сауто, П. Хеллберг), «Ферма Пачмент» (Р. Оверман, С. Демерт).

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
**«В мире профессий.
Водолазы».**
Художник
Г. Метченко

Сдано в набор
29/VII 1974 г.
Б 05801 Подп. к печ.
13/VIII 1974 г.
Формат 60 x 84 1/2
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2549. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора),
Г. М. ШЕРГОВА.

Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

МАСТЕРА ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ

Тот, кто видел и слышал беллиниевскую «Норму», представленную труппой «Ла Скала» в Большом театре, или смотрел спектакль по телевидению, помнит момент первого появления Монсерра Кабалле. Кажется, что увертюра оперы Беллини и действие первого акта, медленно развертывающееся в сумраке священной роши друидов, служат лишь прелюдией к ожидаемому выходу Нормы. Вот уже аккорды в оркестре возвестили ее приближение, и величественная жрица спускается на сцену — тут внимание публики обострено до крайности. Даже аплодисменты звучат приглушенно и коротко. Все с нетерпением ждут. Ждут мгновения, когда будет взята первая нота.

Вы услышите пение Кабалле на нашей звуковой странице. В мае семьдесят второго года «Кругозор» уже помещал запись ее замечательного голоса и рассказ о ней. Теперь вы услышите еще и полуминутный разговор с певицей. Начало же беседы, состоявшейся в Москве после первого представления «Нормы», мы публикуем ниже.

— Синьора Кабалле, если бы вас попросили дать определение бельканто...

Кабалле. Я, по-видимому, сказала бы, что бельканто — это не только, условно говоря, «прекрасные голоса», но прежде всего прекрасное пение. Это значит, что надо уметь держать вокальную линию всю целиком, без каких бы то ни было искажений. Это достижимо, если вы владеете техникой дыхания.

Монсерра
Кабалле:

„СЕКРЕТОВ

Специальных секретов бельканто нет. Есть обычная вокальная техника. Но бельканто — еще и драматическая интерпретация звука. Это не Моцарт, не Рихард Штраус, не Вагнер или Пуччини, Беллини, Доницетти — вот композиторы бельканто. У каждого свой стиль. Для Беллини главное — человеческий голос. По существу, у него все заключено в спетом слове.

Доницетти же уделяет большее место оркестру, деля эмоциональную нагрузку почти в равной степени между пением и инструментами. Возьмите такие его оперы, как «Роберто Деверэ», «Мария ди Роган», «Лукреция Борджа» (ее концертное исполнение девять лет назад в Карнеги-холле внезапно принесло мне известность) и в особенности «Катерина Корнаро», где уже ощутимо влияние молодого Верди...

— Поздняя опера Доницетти...

Кабалле. Последняя. Его «Лебединая песнь». Но чуть раньше Доницетти пришлось дирижировать вердиевским «Набукко» («Навуходоносором»). И мне представляется, что, когда он стоял за пультом, листая партитуру младшего собрата, мысль его уносилась вдаль к неведомым берегам...

— Вслед за хором «Лети же, мысль...»

Кабалле. «...на крыльях златистых» — божественным хором из «Набукко»! Доницетти чувствовал дыхание иных времен, в «Корнаро» это отчасти отразилось, но смерть закрыла будущее перед ним. И все же его имя останется в истории оперы еще и потому, что музыкальная речь Доницетти оказалась доступной широчайшим слоям народа. Круг поклонников Бел-

линии, мне кажется, не столь широк, хотя гений его парит где-то за небесами и публика это либо понимает, либо чувствует. Были ли вы сами когда-нибудь «публикой»?

К а б а л л е. Я родилась в Барселоне, в 1933 году, в семье, где музыку горячо любили. И меня рано повели в театр. Мне было четыре года, когда в нашей опере «Лисео» я услышала «Аиду». Через год мы отправились на «Манон Леско» Пуччини с Мерседес Капсир в главной роли. Кстати, дважды Пуччини был для меня «роковым» композитором. Когда мне было восемь лет, на рождество в семье дарили друг другу подарки. И отец вручил мне пластинки с записью «Мадам Баттерфлай». Я же, выучив арию «Однажды в день желанный» (одну лишь мелодию, итальянского языка я еще не знала), взобралась на кресло и спела ее перед всеми. «вернув» подарок. Родители мои были людьми скромного достатка, посещение оперы для них было событием. Помню, что все мы вместе часами выстаивали перед кассой, чтобы попасть в театр. И вот там-то, в длинных очередях, я впервые увидела массу людей, страстно влюбленных в искусство. Эта череда людей произвела на меня колоссальное впечатление. Я постепенно утверждалась в мысли, что если эти люди с таким терпением ждут у входа в искусство, если они испытывают от встречи с ним счастье, тратя зачастую на билет последние деньги, то ради них стоит учиться петь. Ощущение

На седьмой звуковой странице свое исполнение арии из оперы Беллини «Норма» Монсерра Кабалье превращает в устный эскиз рафом к творчеству композитора.

7

БЕЛЬКАНТО НЕТ“

благодарности к зрителям подвело меня к музыке, оно осталось во мне и до сих пор. Когда после спектакля я выхожу на вызовы, то не думаю ни об аплодисментах, ни о цветах, меня затопляет чувство любви к публике, и я думаю лишь о том, смогла ли я доставить ей радость своим пением.

— Мне хотелось бы задать вам вопрос одновременно и о ваших учителях и об учениках, если они есть у вас...

К а б а л л е. Я не преподаю. Не знаю, смогла ли бы я это делать. Совет, впрочем, иногда могу дать, вероятно. Что касается учителей, то я многим обязана своему педагогу по Барселонской консерватории — венгерке Евгении Кеменьи, научившей меня замечательной технике дыхания. Если бы не она, я так не пела бы. Второй мой учитель — итальянец, маэстро Наполеоне Анноваци, знаток оперной стилистики. Наконец, третьим был и остается мой муж — тенор Бернабе Марти. Нашей встрече мы были снова обязаны Пуччини. Пуччини и «Мадам Баттерфлай». Я пела Чио-чио-сан, а Марти — Пинкертона. И, быть может, мы были единственными героями этой оперы, которые навсегда расстаются на сцене, чтобы соединить свои судьбы в жизни. Бернабе Марти поддерживал меня в самые трудные минуты, особенно в начале моей работы в оперном театре. Эта работа, начавшаяся в Базеле, проходила затем в Бремене, Мехико, Нью-Йорке, Париже и многих других городах, в перечень которых я могу теперь внести и Москву, где уже была и куда надеюсь вскоре снова приехать.

Артем ГАЛЬПЕРИН

СИЛЬВИЯ ВРЕТХАММЕР

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Швеция

Мы встретились впервые пять лет назад. В Университете имени Лумумбы шел любительский концерт. На сцену вышла высокая тоненькая девушка «с волосами цвета льна» и спела несколько песен. Это была Сильвия Вретхаммер. Она не училась в Москве, а готовилась стать преподавателем в одном из шведских учительских институтов и в СССР пришла как туристка. Она любит путешествовать близко и далеко, побывала даже за морями.

Наша беседа началась с разговора о том, почему одна из ее пластинок посвящена бразильской самбе. Оказалось, что девушка из неторопливого Стокгольма лучше всех своих конкурентов исполнила самбу на конкурсе в бурлящем Рио-де-Жанейро и завоевала первый приз. Горячие ритмы настолько захватили Сильвию, что после Рио она стала выступать и на своей родине с бразильским ансамблем «Три пандейрос», затем поехала в Англию, и, наконец, ее увидели телезрители ФРГ, которых пригласили «танцевать самбу с Сильвией».

Выросла она в музыкальной семье, где кумиром была дальняя родственница — знаменитая оперная певица Нильссон. Из пяти сестер Вретхаммер две стали профессиональными музыкантами: Улла — виолончелисткой, а Сильвия.. Маман учила ее игре на рояле, но пианизм Сильвии оказался скромным, правда, отнюдь не безнадежным. Просто честлюбивая девушка хотела еще и петь. И на выпускном вечере в колледже, куда все ее подруги пришли с гирляндами цветов, Сильвия появилась с первой своей грампластинкой, висевшей у нее на шее, словно огромный амулет.

Затем наступило время настоящего дебюта, который, как водится, имел место потому, что одна из эстрадных исполнительниц не смогла выступить. Вретхаммер заменила премьершу, и так началась ее певческая известность. Началась стремительно. Популярность ее стала быстро расти, и это дало основание шведской журналистке Кристер Фалей назвать Сильвию «музыкальной птицей, взвившейся в небо».

Светлана ЧЕКРЫГИН